

УДК 316

КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ В АМЕРИКАНСКОЙ СОЦИОЛОГИИ XX века

© 2013 г.

О.А. Обрывалина

Московский госуниверситет им. М.В. Ломоносова

olgaobryvalina@gmail.com

Поступила в редакцию 11.08.2013

Описаны три подхода к изучению социального контроля, сформировавшиеся в американской социологии на протяжении XX века. В первом социальный контроль рассматривается во взаимосвязи с девиантным поведением, во втором как явная и латентная функции социальных институтов, а в третьем как средство управления и конструирования девиаций, осуществляемых агентами социального контроля.

Ключевые слова: социальный контроль, девиантное поведение, институциональный контроль, государственный контроль, конструирование девиаций.

Социологическое осмысление вопросов оснований и способов обеспечения социального порядка сопровождало развитие как европейской, так и американской социологии. Однако именно в рамках последней исследования приобрели эмпирический и прикладной характер. Благодаря американским социологам в научном дискурсе появился термин «социальный контроль», а описание функционирования данного механизма и его специфики стали неотъемлемой частью социологической теории. Цель данной статьи предложить определенную типологию концепций социального контроля, опираясь на столетнюю историю развития американской социологической мысли.

Ключевую роль в становлении социологических исследований социального контроля в начале XX века сыграли урбанизм и Чикагская школа, в рамках которой объектом изучения были социальные проблемы растущего города. Первой концепцией социального контроля, сформулированной явным образом, стала теория социальной дезорганизации. Ее непосредственными авторами выступили К. Шоу (С. Shaw) и Г. Маккей (Н. MacKay). Наблюдая потоки мигрантов, прибывавших в город, социологи предположили, что именно их культурное отличие, трудности в адаптации к новым условиям и, возможно, даже нежелание усваивать нормы местного американского общества приводят к нарушению порядка, столкновению культурно-ценностных моделей на определенных территориях. Появляющаяся таким образом социальная дезорганизация соседских сообществ влечет за собой ослабление

общественного (неформального) контроля и рост преступности. В сложившихся обстоятельствах известную эффективность сохраняет лишь формальный государственный правовой контроль. Описанная модель нарушения социального порядка, хотя и пережила определенный спад интереса в 60–70-х годах XX века, в 1980-е гг. была реабилитирована и остается весьма популярной и сегодня.

Представители Чикагской социологической школы (У. Томас, Р. Парк, Э. Берджесс, Л. Вирт) первыми соединили теоретическую разработку теорий девиантности и социального контроля с прикладными исследованиями. Сделанные ими выводы опирались на широкий эмпирический материал и, хотя частично и оспаривались следующими поколениями социологов, придали мощный импульс институционализации отрасли. Однако они же фактически и заложили традицию узкого понимания категории «социальный контроль». На рубеже XIX–XX веков, когда теории социального контроля формировались в рамках общих концепций социального порядка, социальный контроль определялся как базовый социальный процесс, обеспечивающий сохранение целостности социальной системы. Позже популярность приобрела трактовка социального контроля как механизма противодействия девиантному и делинквентному поведению, а его исследования сосредоточились преимущественно в области социологии девиантности и криминологии. Безусловно, эти определения не исключают друг друга. Но вместе с тем первое позволяет смотреть на социальный контроль шире.

Вслед за основателями Чикагской школы Ч. Кули и Дж. Мидом для многих американских социологов изучение социального контроля оказалось тесно связано с исследованиями процессов социализации, усвоения норм и ценностей, конфликтов культурных паттернов и ценностно-нормативных комплексов, взаимодействия индивида и социальной группы, неформального группового контроля. Как уже было отмечено, первыми к изучению интериоризации общественного контроля при посредничестве различных социальных ассоциаций обратились коллеги Ч. Кули по Чикагскому университету. В дальнейшем это направление получило динамичное развитие, а актуализация проблемы социализирующей функции первичных групп, произошедшая в 50-х гг. XX века, произвела революцию в изучении социального контроля. Введя в 1947 г. в научный оборот термин «дифференцированная социальная организация» (differential social organization), Э. Сазерленд [1] показал, что отдельные городские сообщества могут быть не столько дезорганизованы, сколько организованы на базе иных культурных норм и ценностей. Так, с 1950-х гг. широкое распространение получило рассмотрение социального контроля в контексте субкультурного разнообразия общества (A. Cohen, R. Cloward, L. Ohlin, M. Wolfgang, R. Akers). Впоследствии изучение роли внешней среды дополнилось учетом особенностей персонального контроля и личностных факторов, провоцирующих девиантное поведение (A. Reiss, W. Reckless, J. Toby, F.I. Nye, D. Matza, S. Briar, I. Piliavin, G. Becker, I. Ehrlich).

Большинство теорий девиантного поведения, сформировавшихся до 1970-х гг., объясняли возникновение отклонений в поведении, отталкиваясь от консенсусной модели общества, признавая, что человеческое общежитие базируется на потребности людей в сотрудничестве (пусть даже при сохранении понятия личной выгоды) и возникновении определенного разделяемого всеми кодекса социальной жизни. Следовательно, именно подчинение нормам в обществе признавалось естественным фактом, а объектом изучения выступали причины их игнорирования. В последней трети XX века ситуация изменилась: социологи сосредоточились на поиске причин не девиантного, а конформного поведения индивида. Склонность к нарушению норм во имя личной выгоды признали врожденным человеческим качеством, поэтому объяснения потребовал социальный конформизм. Теории социального контроля преступности связали нарушение закона с ослаблением, разрушением или отсутствием социальных связей или социа-

лизационных процессов, которые призваны поощрять законопослушное поведение [2]. Автором наиболее влиятельной теории социального контроля стал Т. Хирши (1969 г.) [3]. По его мнению, гарантом социального единства и конформности выступают «социальные обручи» (social bonds), соединяющие индивидов между собой и позволяющие сохранять определенные коллективные интересы. Четыре вида «социальных обручей», выступающих вместе с тем формами социального контроля, – это привязанность (attachment), обязательство (commitment), вовлеченность (involvement) и убеждение (belief). Акцент на интерсоциальной составляющей социального контроля во многом роднит теорию Т. Хирши с ранней теорией дезорганизации. Как уже отмечалось, первое поколение социологов Чикагской школы связывало высокий уровень преступности и девиантного поведения в растущем городе с разрушением традиционных связей внутри и между сообществами, культурным конфликтом. Эффективный социальный контроль, по их мнению, требовал поиска новых групп, способных взять на себя функции социализации формирования идентичности. В этом смысле теория социальных связей Т. Хирши демонстрирует возврат к моделям социального контроля первого этапа развития американской социологии.

Теория Т. Хирши завоевала широкую популярность в среде социологов и криминологов, однако не стала единственным подходом в обосновании девиантного и конформного поведения. Оформившиеся ранее теории, заявлявшие об отклонении как результате свободного осознанного выбора, получили развитие и после 1970-х гг. Теории рационального выбора стали выразителями крайнего индивидуализма в объяснении девиантного поведения. Согласно данной микроперспективе, девиантное поведение мотивируется персональными (жажда наживы, месть, развлечение) и ситуационными (уязвимость цели или жертвы, наличие свидетелей и охранников) факторами. Поскольку исключить личные мотивы невозможно, для борьбы с общественно опасными отклонениями предлагалось минимизировать ситуационные возможности совершения преступления и привести суровость санкций к пределу, необходимому и достаточному для предотвращения преступного выбора. Теория рутинной деятельности Л. Коэна и М. Фелсона [4] обосновывала, что преступление совершается при выполнении трех условий: 1) доступная цель (объект или человек); 2) отсутствие дееспособного сторожа, способного вмешаться (в том числе полицейский

патруль, охранники, привратники, сослуживцы, друзья, соседи, система видеонаблюдения); 3) присутствие мотивированного правонарушителя. Социальный контроль преступлений, следовательно, должен включать контроль за состоянием трех этих факторов. Подобную стратегию «укрепления мишеней» и минимизации благоприятствующих преступлению условий Д. Корниш и Р. Кларк [5] назвали ситуационной превенцией преступности, отметив, что реализация данной модели охраны порядка требует сотрудничества исследователей и представителей правоохранительных органов в изучении динамики преступлений, их факторов, мониторинге эффективности мер по противоборству криминалу и проч. Теории рационального выбора, рутинной деятельности и ситуационной превенции предложили модель эффективной (экономичной) борьбы с преступностью. В Соединенных Штатах она была положена в основу реорганизации системы охраны порядка. Ее ядром стала стратегия управления рисками и создания зон локального порядка с использованием технического контроля, архитектурных средств контроля и социально-пространственной эксклюзии.

Смещение интереса с групповой динамики к особенностям поведения личности, наблюдаемое в 1960–1970-х гг., подорвало авторитет теорий дезорганизации. Однако в 1980-х годах исследования Р. Берсика [6], Р. Сэмсона и У. Гривса [7] вдохнули в нее вторую жизнь. Новации заключались, во-первых, в изучении проявлений социальной дезорганизации в социальных сетях различных уровней (личных, местных, публичных), а также взаимовлияния соседних. Во-вторых, кроме таких, использованных еще К. Шоу и Г. Маккейем, характеристик макроуровня, как низкий социально-экономический статус, мобильность и расовая гетерогенность, в объект теории были включены «промежуточные механизмы», т.е. переменные-посредники между традиционными показателями социальной дезорганизации и уровнем преступности: например, объем и качество социального капитала, сила семьи и коллектива. Решение же проблемы преступности виделось в развитии межпоколенческих сетей, взаимообмена советами, материальными благами, информацией о воспитании детей, веры в совместный неформальный контроль, поддержки и наблюдения за детьми в рамках соседства.

В 1980-х гг. теория напряжений/аномии также пережила возрождение, в результате чего появились теория институциональной аномии (institutional-anomie theory) С. Месснера и Р. Ро-

зенфельда [8] и общая теория напряжений (general strain theory) Р. Эджнью [9]. Первая указала на девиантогенные ценности американского общества (ориентация на достижение, индивидуализм, универсализм (обязательность для всех), фетишизм денег) и институциональный дисбаланс с доминированием экономических институтов, ослабляющий контролирующие функции прочих институтов. Вторая же теория с позиции социально-психологического подхода установила связь между различными источниками напряжений (неудачи в достижении позитивно оцениваемых целей, потеря позитивно оцениваемого стимула, а также противостояние негативным стимулам), спровоцированными ими эмоциями и индивидуальным криминальным поведением, ограниченным такими сдерживающими факторами, как убеждения, рациональное обоснование, самоконтроль, принадлежность к группе.

Обновленные теории социальной дезорганизации напряжений и аномии объединили элементы индивидуалистического и структурного подходов к девиантному поведению, обосновывая наличие субъективных и объективных предпосылок для нарушения социальных норм. Интегративными по сути явились также теория «власти-контроля» Дж. Хэгэна [10] (power-control theory) и теория «контроля-баланса» (control-balance theory) Ч. Тайтл [11], обосновывающие девиантное поведение через социальный статус человека и выполняемые им роли и функции.

В последнее десятилетие XX века в объяснении причин девиантного поведения появился новый подход – теории жизненного пути (developmental life course theories), которые описывали индивидуальные изменения в преступном поведении на протяжении жизни человека, в особенности механизм взаимодействия факторов риска и жизненных событий, влияющий на начало, продолжение и прекращение преступной деятельности [12]. В рамках данных теорий социальный контроль выступил не как абстрактный общий механизм борьбы с девиациями, а ориентированный на специфику своего объекта.

Рассмотренные выше теории, как уже было отмечено, относятся к направлению, в рамках которого социальный контроль изучается прежде всего с позиции противодействия девиантному и делинквентному поведению (скорее даже последнему). Альтернативный же подход продолжил линию рассуждений Э. Росса, подчеркивавшего значимость социального консенсуса для достижения и легитимации социально-

го контроля и акцентировавшего внимание на институциональных средствах контроля, посредством которых общество воздействует на индивида, приводя в соответствие с общественными его личные цели. Если названные ранее теории по сути демонстрируют микроподход к изучению отклонений и методов противодействия им, то теперь предстоит совершить обзор концепций, оперирующих макросоциологическими переменными. Истоки данной традиции обнаруживаются в европейской классической и ранней американской социологии. С этих позиций подходили к рассмотрению процессов регулирования социальной жизни Л. Уорд, Ф. Гиддингс, У. Самнер, А. Смолл и, конечно же, Э. Росс – автор первого труда о социальном контроле («Социальный контроль: изучение основ порядка»).

В 30–40-е гг. XX века мощный импульс исследованиям социального контроля придали институциональные экономисты (Т. Веблен, У. Хамилтон, М. Кларк), которые увидели в социальном контроле средство научно обоснованного социального реформирования [13]. Таким образом, изучение проблемы девиаций в условиях города, многочисленные эмпирические исследования социальных институтов (права, образования, общественного мнения, религии и проч.) и государственного управления экономической и, шире, всей социальной жизнью сформировали понимание двоякой роли социального контроля. Он выступил, с одной стороны, как механизм обеспечения конформного поведения, а с другой, – социального управления, способствующего совершенствованию социальной жизни. Основными механизмами социального контроля признавались социализация (включая формирующее воздействие различных социальных институтов и организаций) и государственное управление. Объектами выступали все члены общества, а агентами, проводниками контроля все социальные институты, сообщества, малые группы, среди которых, безусловно, особая роль отводилась государству как субъекту социального управления. В 1940–1950-х гг. макросоциологический подход к социальному контролю значительно укрепился благодаря структурному функционализму и, в частности, трудам Т. Парсонса [14] и Р. Мертона [15], продемонстрировавшим, как социальный контроль вписан в систему общества, связан с его структурными характеристиками и культурной подсистемой.

Однако дальнейшее развитие исследований институциональных аспектов социального контроля происходило разрозненно. С подачи

Т. Парсонса вопросы социального контроля были сведены к вопросам противодействия отклонениям. Теории девиантного поведения и, соответственно, исследования социализации и роли социальных групп легко классифицировать, опираясь на достаточное количество обзоров и аналитических материалов. В свою очередь, институциональный подход к социальному контролю остается, скорее, аналитической конструкцией и в научной литературе пока описан мало. Исследования данного направления требуют систематизации и обобщения. Тем не менее широкий взгляд на социальный контроль как сложную систему, а также контролирующие функции социальных институтов продолжали привлекать внимание социологов. В 1970-х гг. неоконсерватизм и интерес к классическим социологическим концепциям стимулировали исследования социальных процессов и явлений с позиций институционального подхода. Для исследований социального контроля это означало расширение контекста его рассмотрения: изучение мотивов и факторов отклоняющегося поведения в социологии девиантного поведения и криминологии дополнилось анализом структурных детерминант отклонений и институциональных аспектов контроля. Здесь следует отметить вклад таких социологов, как М. Яновиц [16], Дж. Гиббс [17; 18] и Д. Блэк [19].

Опираясь на структурно-функциональную модель социального порядка, М. Яновиц полагал, что стабильность общества обеспечивается благодаря ценностному консенсусу. Исходя из этого, социальный контроль социолог определил как отличную от принуждения и персонального контроля способность общества осуществлять саморегуляцию на моральной основе, выходящей за пределы личных интересов.

Дж. Гиббс предпринял попытку построения целостной системы контроля, одним из элементов которой выступил социальный контроль как контроль над людьми. Его теория включает 28 аксиом и 15 теорем, касающихся отношений между ожидаемой и реальной эффективностью контроля, супернатурализмом, научной деятельностью, тремя субъектными типами контроля, разделением труда, технологической сложностью и технологической эффективностью. Следует отметить, что эмпирическая проверка теории, которую Дж. Гиббс провел на материале 66 стран, показала высокий уровень ее надежности.

Общую теорию контроля (the general theory of social control) Д. Блэк задумывал как ценностно нейтральную, построенную на принципах естественных наук. Под социальным кон-

тролем он понимал установление правильного и неправильного посредством определения девиантного поведения и реакции на него. Социальный контроль признавался существующим в качественно-количественно различных формах. «Количество» социального контроля обозначает объем доступного социального контроля, например оказывается ли воздействие на поведение посредством права и легальных санкций. «Качество», стиль контроля характеризуют его как карательный, компенсаторный, терапевтический (профилактический), примирительный. Описывая возможные комбинации качества и количества, Д. Блэк анализировал геометрию социального контроля в связи с такими свойствами социального пространства, как стратификация, дифференциация, интеграция и культура [20].

Широкое обсуждение в 1970–1980-х гг. в американском академическом сообществе получила социальная политика государства благосостояния. За очевидной заботой об уровне жизни населения и помощи нуждающимся был обнаружен механизм контроля эстеблшментом различных групп населения и их настроений (I. Gough, P. Day). Внимание социологов обратило на себя также связь СМИ с определенными экономическими и политическими силами и контроль общественного мнения (M. Seiden, J. Best, N. Chomsky, K. Viswanath, D. Demers); управление системой образования, ее влияние на социальную структуру и формирование конформизма (F. Field, P. Willis); контроль в организациях (C. Stone, J. Yates); право как способ регулирования социальных отношений, с одной стороны, и инструмент реализации интересов кругов, находящихся у власти, – с другой (J. Skolnick, R. Akers); трансформация контролирующих механизмов на фоне развития индустрий (M. Zald), экономики и техники (J. Venniger).

Изучение социального контроля через призму девиантного поведения и социальных институтов образовали два наиболее популярных подхода в американской социологии. Но следует отметить еще один, число последователей которого в Соединенных Штатах, правда, заметно меньше, чем в Европе. Его объектом выступают механизмы управления обществом и контроля за всевозможными социальными институтами и организациями. Если институциональный подход сосредоточивается на изучении роли социальных институтов в поддержании (и, наоборот, разрушении) социального порядка, то представители данной традиции ставят вопрос о властном источнике регулирования социальной

жизни. На становление подобного дискурса в Новом Свете значительное влияние оказали марксизм и философия франкфуртской школы, ряд представителей которой иммигрировал в США в начале Второй мировой войны. Однако в силу резкости оценок, склонности к критике основ социального порядка, несовместимых с политической идеологией и мировоззренческими установками американского государства, данная позиция не получила такой поддержки, как в европейской социологии. И только начиная с 1980-х годов, когда американская социология постепенно сдавала лидирующие позиции в мировой науке, европейская социология начала оказывать обратное влияние на США и изучение контроля за агентами контроля стало расширяться. Данное направление в американской социологии представлено конфликтными и конструктивистскими теориями девиантности и преступности. Активно они проявили себя в середине XX века.

Сторонники конструктивного подхода к девиантности выдвинули тезис об относительности социальных норм и девиаций, а также способности социального контроля создавать последние, когда соответствующие его агенты применяют процедуры детекции отклонений и их коррекции. Теория социетальной реакции и теория ярлыков, оформившиеся усилиями Э. Лемерта (1951 г.) [21], Г. Беккера (1963 г.) [22], Э. Шура [23], И. Гоффмана (1963 г.) [24], стимулировали исследования таких проблем, как жестокость заключения (C. Tittle, C. Logan), общественное мнение о должном законном наказании (D. Gibbons), дискреционные (предоставленные на собственное усмотрение) практики реагирования на девиации правоохранительных органов (D. Sudnow), расовые социально-классовые предпосылки в реакции (E. Green), закономерности в нормативной реакции общественности на умственно больных (D. Phillips), общественное мнение в отношении преступлений различной степени тяжести (P. Rossi, E. Waite).

На новый уровень идеи конструктивистского подхода были выведены социологами конфликтной ориентации, которые рассмотрели процессы присвоения ярлыков через механизм социального контроля с привлечением более широкого социального контекста. Отстраняясь от рассмотрения ситуаций взаимодействия нарушителя порядка и его защитника, критическая социология обратилась к историческим социально-экономическим условиям существования общества и тем механизмам и институтам, что призваны поддерживать в нем порядок

[20]. Обосновывалось, что социальный контроль находится в руках элиты, облеченной властью, и выступает инструментом властного воздействия. Девиантами же оказываются «незащищенные», «уязвимые», максимально дистанцированные от власти категории населения. Социальный контроль в теориях конфликтной перспективы выступил, таким образом, в качестве зависимой переменной. И не столько как социальный, сколько государственный или политический контроль.

После К. Маркса первым попытку рассмотреть преступление через призму конфликта в конце 1950-х гг. предпринял Дж. Волд [25]. Социальный порядок определялся Дж. Волдом как состояние относительной стабильности, баланса противоположных соперничающих сил. А правовые компромиссы, политические аресты и конфликты между профсоюзами и менеджментом в данном контексте предстают как преступные акты, совершаемые теми, кто реализует в обществе власть и контроль. О. Терк [26], называя социальный конфликт базовым фактом жизни, показывал, как люди у власти создают законы и осуществляют господство для того, чтобы сохранить свое положение. Социальный конфликт в рамках данной теории не рассматривается как борьба групп за власть. Речь идет об осуществляемой властью придерживающимися приписывании статуса «преступный» представителям низших слоев общества. Социальная политика государства всеобщего благоденствия в 1960-е гг. также была включена в дискурс о социальном контроле. Причем с оттенком критики. Так, например, в 1971 г. Ф.Ф. Пивен и Р. Кловард [27] проанализировали контролирующие функции благосостояния, охарактеризовав его как средство усмирения экономически неблагополучных классов (бедных и безработных) и предотвращения социального восстания.

Темой заметного числа послевоенных социологических исследований стали латентные эффекты просоциальных институтов и, в частности, здравоохранения. Основываясь на истории медицинских учреждений, Т. Scheff, Т. Szasz, Е. Goffman, F. Davis, Н. Becker, М. Faucalt показали, что зачастую умственные болезни – это лишь ярлыки, а медицинские организации могут не только спасать жизни, но и осуществлять реальный социальный контроль. Как следствие, медицинский контроль был признан наравне с традиционными неформальным и правовым контролем. Одним из первых на «медиализацию» повседневной жизни в современном обществе указал И. Зола [28]. Соотнесение со здоровьем (в дополнение к справедливости, рели-

гиозной праведности, законности) выступило новым критерием для классификации тех или иных аспектов человеческого существования. Психиатрия на индивидуальном уровне и концепция здоровья нации на групповом стали новыми каналами регулирования общества [29, с. 64–85]. И начиная с последней трети двадцатого века государство переходит от реактивной к проактивной концепции регулирования здоровья нации [29, с. 139–145].

Пристальное внимание к технологиям социального контроля актуализировало вопрос о критериях классификации действий как отклоняющихся и о роли экспертов, осуществляющих эту оценку. Относительная природа девиаций у ряда социологов уже не вызывала сомнений. Справедливость этого тезиса в 1970-х годах на примере потребления наркотиков, в частности, доказывал Э. Гуд [30]. Однако он пошел дальше и рассмотрел, какой эффект способны оказать на общество «мнимые» отклонения. Э. Гуд обосновывал, что относительная, конструируемая, и даже «воображаемая» девиантность влечет за собой возникновение совершенно реальных действий и последствий. В качестве примеров он приводил «охоту на ведьм» в Средние века и веру в паранормальное, а также получившую широкое распространение в современном обществе «моральную панику» [31] – страх перед событиями, социальными группами и т.д., который, благодаря средствам массовой информации, конструируется мгновенно и оказывает значительное влияние на общественные настроения. Исходя из того что ценностные категории «хорошего» и «плохого» неприменимы в определении девиантного поведения, социальный контроль, согласно Э. Гуду, должен стремиться минимизировать ущерб, который может быть нанесен отклонением, а также, добавим, самим применением санкций. Для решения этих проблем в 1990-х годах криминолог Дж. Брэйтвэйт предложил использовать, соответственно, управление стыдом [32] (shame management) и восстановительное правосудие [33] (restorative justice). Первое было нацелено на стигматизируемого в ходе уголовного производства обвиняемого, а второе на ликвидацию социального вреда, наносимого преступлением. По мысли Дж. Брэйтвэйта, наказания виновника недостаточно для восстановления социальной гармонии. Налаживание же диалога между жертвой и обвиняемым позволит удовлетворить потребности обеих сторон, повысит ответственность обвиняемого, снимет страх перед преступником, снизит агрессию и беспокойство у жертвы.

Тезис о социальном конструировании девиаций во второй половине XX века получил широкое подтверждение. Не последняя роль при этом отводилась государственным организациям. В 1980-х гг. точка зрения политических институционалистов, отстаивавших принципиальность влияния государственных институтов и организаций на общественную жизнь, стала преобладающей. Однако, если в Европе широкое распространение получили исследования политической природы (господства в системе) социального контроля, в США анализ функционирования системы охраны порядка оставался преимущественно политически нейтральным. Пристальное внимание было, вместе с тем, уделено реформированию модели государственного контроля с целью повышения ее эффективности. В частности, обсуждались «деинституционализация» социального контроля и привлечение граждан и местных сообществ к охране порядка, а также организация системы превенции угроз общественному порядку: создание безопасной среды, укрепление возможных «мишеней» преступности, сопровождение «групп риска», нормирование максимального числа отношений.

Оглядываясь на столетнюю историю изучения социального контроля американскими социологами, в ней следует выделить как минимум три значимых подхода: в рамках первого социальный контроль рассматривается через призму возникновения, распространения и способов противостояния девиантному поведению, во втором исследуются явные и латентные контролирующие воздействия социальных институтов и, наконец, третий актуализирует проблему конструирования девиаций и контроля за агентами социального контроля. Специфику каждого подхода определяли, с одной стороны, исторические обстоятельства возникновения и развития, а с другой – теоретико-методологические и мировоззренческие установки авторов, их взгляды на природу социального порядка в целом. И хотя истории социологического изучения социального контроля свойственны определенные тенденции и изменения моделей контроля, никакие идеи не были полностью подвергнуты забвению и вычеркнуты из социологического дискурса. На современном этапе развития американской социологии рассмотренные в статье концепции социального контроля по-прежнему актуальны.

Примечание

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 13-33-01036).

Список литературы

1. Sutherland E., Cressey D., Luckenbill D. Principles of Criminology. NY: General Hall, 1992. 696 p.
2. Jensen G. Social Control Theories // Encyclopedia of Criminology. Ed. by Wright R. Fitzroy Dearborn Publishers, 2003. [Электронный ресурс]. URL: // <http://cw.routledge.com/ref/criminology/contributors.html> (дата обращения 16.04.2013).
3. Hirschi T. Causes of Delinquency. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 2002. 329 p.
4. Cohen L., Felson M. Social Change and Crime Rate Trends: A Routine Activities Approach // American Sociological Review. 1979. № 44. P. 588–608.
5. Cornish D., Clarke R. Understanding Crime Displacement: An Application of Rational Choice Theory // The Criminology Theory Reader. Ed. by Stuart H., Ein-stader W. New York: New York University Press, 1987. P. 45–56.
6. Bursik R. Social Disorganization and Theories of Crime and Delinquency: Problems and Prospects // Criminology. 1988. Vol. 26. P. 519–552.
7. Sampson R., Groves W. Community Structure and Crime: Testing Social-Disorganization Theory // The American Journal of Sociology. 1989. Vol. 94. No. 4. P. 774–802.
8. Messner S., Rosenfeld R. Crime and the American Dream. Belmont: Wadsworth, 1994. 130 p.
9. Agnew R. Foundation for a General Strain Theory // Criminology. 1992. Vol. 30 (1). P. 47–87.
10. Hagan J., Gillis A.R., Simpson J. The class structure of gender and delinquency: toward a power-control theory of common delinquent behavior // The American Journal of Sociology. 1985. Vol. 90. № 6. P. 1151–1178.
11. Tittle C. Control Balance: Toward A General Theory Of Deviance. Westview Press, 1995. 321 p.
12. Zembroski D. Sociological Theories of Crime and Delinquency // Journal of Human Behavior in the Social Environment. 2011. Vol. 21. P. 240–254.
13. Rutherford M. The Institutional Movement in American Economics, 1918–1947: Science and Social Control. Cambridge University Press, 2011. 422 p.
14. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002. 832 с.
15. Мертон П. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1966. С. 299–113.
16. Janowitz M. On Social Organization and Social Control // Edited and with an introduction by Burk J. Chicago: University of Chicago Press, 1991. 330 p.
17. Gibbs J. A Theory about Control. Boulder, CO: Westview Press, 1994. 411 p.
18. Gibbs J. Control: Sociology's Central Notion. University of Illinois Press, 1989. 515 p.
19. Black D. Social Control as a Dependent Variable // Toward a general theory of social control. Ed. by Black D. New York: Academic Press, 1984. P. 1–36.
20. Deflem M. The Concept of Social Control: Theories and Applications // Paper presented at the International Conference on «Charities as Instruments of Social Control in Nineteenth-Century Britain», Université de Haute Bretagne (Rennes 2), Rennes, France, November 22–23.

2007. [Электронный ресурс]. URL: // <http://deflem.blogspot.ru/2007/08/concept-of-social-control-theories-and.html> (дата обращения 16.04.2012).
21. Lemert E. Human Deviance, Social Problems and Social Control. Endlewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1972. 287 p.
22. Becker H. Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance. New York: Free Press of Glencoe, 1973. 215 p.
23. Schur E. Labeling Deviant Behavior: Its Sociological Implications. New York: Harper and Row. 1971. 187 p.
24. Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. London: Penguin, 1990. 173 p.
25. Vold G., Bernard T., Snipes J. Theoretical Criminology. New York: Oxford University Press, 2002. 352 p.
26. Turk A. Criminality and Legal Order. Chicago: Rand McNally, 1969. 184 p.
27. Piven F.F., Cloward R. Regulating the Poor: The Functions of Public Welfare. New York: Vintage Books, 1993. 543 p.
28. Zola I. Medicine as an Institution of Social Control // Sociological Review. 1972. № 20 (4). P. 487–504.
29. Chriss J. Social Control: An Introduction. Polity, 2007. 336 p.
30. Goode E. Drugs in American Society. New York: McGraw-Hill, 2002. 473 p.
31. Ben-Yehuda N., Goode E. Moral Panics: The Social Construction of Deviance. Oxford: Blackwell, 1994. P. 57–65.
32. Braithwaite J. Crime, Shame and Reintegration. Cambridge University Press, 1997. 234 p.
33. Braithwaite J. Restorative Justice and Responsive Regulation. New York: Oxford University Press, 2002. 326 p.

SOCIAL CONTROL THEORIES IN AMERICAN SOCIOLOGY OF 20th CENTURY

O.A. Obryvalina

The article describes three approaches to study of social control emerged in american sociology during the 20th century. The first considers social control in conjunction with deviant behavior. The second views social control as manifest or latent function of social institutions. The third focuses on social control as a mean of governance and construction of deviations undertaken by agents of social control.

Keywords: social control, deviant behavior, institutional control, governmental control, construction of deviance.